
Олег Зайцев
До моря через двор
18+

Олег Зайцев
До моря через двор

https://litres.ru/74779049
SelfPub; 2026

Аннотация

Половина пансионата у моря досталась Нине по наследству. Она собиралась продать долю и открыть свою мастерскую. Михаил, владелец второй половины, попросил дать ему одно лето.

К июлю Нина уже знает, где он покупает хлеб, как целуется на старой лестнице и почему не может бросить пансионат даже на один вечер. В первую пятницу октября он должен приехать к ней на ужин. До этого вечера они не дотянут.

Михаил сам расскажет ей об измене. А из письма незнакомой женщины Нина узнает, что он уже продаёт зимнюю программу с её именем, хотя она дважды отказалась в ней участвовать.

Теперь Нина готова уступить в цене, лишь бы доля досталась покупателю, которого Михаил меньше всего хотел бы видеть своим партнёром. Тот согласен. Только у него есть свои планы на пансионат — и на калитку, через которую соседи годами ходят к морю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 10	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олег Зайцев
До моря через двор

Глава 1

На третьем снимке в кадр попадает мужчина с пакетом рыбы.

Он выходит из-за моей спины, пересекает двор и останавливается перед нижней калиткой. Я опускаю телефон. На экране остаются белая стена, два столика под навесом и хвост, торчащий из прозрачного пакета.

— Здесь открывается на себя, — говорю я.

Мужчина тянет калитку, благодарит и уходит вниз по ступеням.

Снимок удаляю. Мне нужны фотографии общих помещений и двора для продажи доли. Дома я отвела на съёмку сорок минут. Десять уже потратила, пытаясь найти человека, с которым договорилась об осмотре на половину двенадцатого.

На стене административной пристройки под вывеской «Южная лестница» висит стрелка с надписью «Приём гостей». Она указывает на дверь, перед которой сложены три пластиковых шезлонга. Другая дверь, открытая, ничем не подписана. Оттуда слышно:

— Нет, ранний заезд нужно было подтвердить. Я вижу вашу переписку. Вы спросили, можно ли приехать утром. Вам ответили: при наличии готового номера.

В пристройке женщина за стойкой прижимает трубку плечом и ставит дату на бланке. Перед ней ждёт пара с чемоданами. Мужчина держит куртки, женщина — паспорта и маленький горшок с цветком.

Администратор поднимает палец: минуту. Я киваю. При моём первом появлении она просила подождать тем же жестом.

— Ирина, — негромко произносит женщина с цветком, — нам бы хотя бы вещи оставить.

— Вещи можно. Проходите в гостиную, я сейчас покажу.

Она заканчивает разговор и берёт со стойки ключ, привязанный к деревянному прямоугольнику с цифрой восемь.

— Михаил у верхней лестницы. Сказал, сейчас подойдёт.

— Он знает, что я здесь?

— Я ему передала, Нина.

Вопрос прозвучал резче, чем я хотела. Отступаю к двери, освобождая дорогу чемоданам.

— Хорошо. Подожду во дворе.

За то время, пока я возвращаюсь к столику, через калитку проходят ещё двое. Женщина в светлой куртке даже не смотрит на дом. В руках у неё пустая сумка на колёсиках.

Проверяю переписку. «Пятница, 22 мая, 11:30. Всё покажу».

— Нина?

Мужчина спускается сбоку от корпуса, не со стороны входа. На нём тёмная футболка и рабочие брюки, у правого кармана белая полоса пыли. В одной руке отвёртка, в другой снятая дверная ручка.

— Михаил Руднев. Извините, дверь заклинило. Люди внутри, чемоданы снаружи.

Он оставляет всё на подоконнике и протягивает мне руку. Ладонь тёплая, на большом пальце свежая царапина. Я пожимаю её, прижав к боку папку.

Мы виделись на похоронах тёти, в ноябре. Я помню его голос лучше лица: тогда почти не поднимала глаз.

— Можно было написать, что вы задержитесь.

— Можно было, — соглашается он. — Вы давно приехали?

— Полчаса назад. Здесь минут пятнадцать.

— Давайте начнём с корпуса. Два номера свободны, остальные покажу на плане.

— Мне нужны ещё договор аренды, список оборудования и отчётность. Я присылала перечень.

— Помню. Договор распечатан. По цифрам бухгалтер пришлёт сводку вечером.

— Я рассчитывала сегодня всё посмотреть и обсудить.

— Сегодня обсудим. Только не всё сразу. Сейчас покажу помещения, после пяти смогу сесть с вами без телефона.

Осмотр и документы я рассчитывала закончить до обеда,

а после работы отправить запрос посреднику и спуститься к воде. Не была на море с прошлого августа, хотя живу в двух часах езды.

— До шести у меня работа, — говорю я. — Полчаса в пять я могу выделить.

— В пять. Здесь или в кабинете?

— Там, где нас не будут искать.

Он подбирает ручку с подоконника.

— Тогда в кабинете. Пойдёмте.

В коридоре прохладно. Над дверями деревянные номера, на полу серая плитка, у стены складная сушилка с двумя наволочками. Слева лестница, справа короткий проход к кухне. Михаил сначала убирает сушилку, потом открывает номер.

Две кровати, столик, шкаф, окно на боковую стену соседнего дома. Покрывало у одной кровати заправлено криво. Я машинально подхожу поправить угол и останавливаюсь, не коснувшись ткани.

— Здесь можно фотографировать?

— Да. Вещей гостей нет.

Я снимаю комнату из двух углов, ванную, окно. Михаил стоит у двери и отвечает на вопросы без попыток превратить осмотр в экскурсию: кондиционеру три года, матрасы меняли позапрошлой весной, душевой поддон ремонтировали в марте. Когда не помнит, достаёт телефон и делает заметку.

— Сколько всего таких?

— Двенадцать двухместных. Четыре наверху, восемь на этом уровне.

— А комната в пристройке?

— Служебная. Для вас приготовили, если останетесь до завтра.

Я просила об этом в письме. Одну ночь, чтобы не смотреть на часы во время разговора.

— Останусь. Завтра уеду в пять десять.

— До автостанции восемнадцать минут. С папкой успеете, с чемоданом лучше выйти раньше.

— У меня рюкзак.

— Тогда восемнадцать.

Он придерживает дверь, выпуская меня первой.

В гостиной пара с цветком устраивается у окна. Мужчина разувается, потом замечает нас и снова суёт ноги в кроссовки. Я не поднимаю телефон.

— Эту комнату позже, — говорю я.

Михаил прикрывает дверь.

В общей кухне две плиты и три холодильника. На дверце одного записка: «Подписывайте продукты». Рядом на столе стоит кастрюля без крышки. Из дальнего коридора доносится скрежет колёс: горничная везёт тележку с бельём.

Я делаю несколько кадров, стараясь не захватить чужую посуду.

На обратном пути Михаил проверяет крепление настенного светильника. Замечает, что я смотрю.

— Записал ещё вчера. Завтра электрик придёт.

— Я ничего не сказала.

— Вы посмотрели.

План здания он обещает принести к вечернему разговору.

* * *

В служебной комнате помещаются узкая кровать, стол и шкаф с одной дверцей. Под окном растёт куст розмарина. Если открыть створку, ветки скребут по сетке.

Ирина приносит мне ключ, комплект белья и пароль от интернета, написанный на обороте чека.

— Полотенце в шкафу. Вода горячая есть. Если будете поздно возвращаться, вот этот ключ от верхней калитки.

— А нижняя?

— На том же кольце. Большой. В десять закрываем обе.

— Кто сегодня ходил через двор — местные?

— В основном. С верхней улицы к морю проходят.

— Вам до завтра ничего не понадобится? Я в семь ухожу, потом Михаил.

— Спасибо, всё есть.

Когда дверь закрывается, кладу папку на стол. Ноутбук приходится поставить наискось. Чтобы разложить два листа музейной схемы, убираю лампу на подоконник.

Дома, в Речинске, я работаю за обеденным столом. Каждый вечер складываю макеты, чтобы освободить место для

тарелки; утром снова достаю. Неделю назад хозяйка помещения, которое я присмотрела под мастерскую, прислала фотографию: освободилась ещё одна комната за тонкой перегородкой. Там поместится большой рабочий стол. На нём можно будет оставлять недоделанное до утра.

Открываю фотографию и увеличиваю угол у окна, где встанет стол.

В час начинается звонок с музейным директором. Лев просит к понедельнику прислать два варианта входной схемы. Я обещаю и только после разговора смотрю в календарь: на понедельник уже стоит другая сдача. Переставляю её на утро, будто от этого в сутках появляется место.

Работа занимает меня до без десяти пять.

К кабинету прихожу с блокнотом. Михаил уже за столом. Рядом лежат две папки и стакан воды. Телефон он выключает при мне и убирает в ящик.

— Чего не хватает, дополним, — говорит он. — Начнём с аренды?

— С выкупа. Вы в ноябре говорили, что хотите купить долю.

— Хочу.

— Какая сумма у вас есть сейчас?

Он садится напротив, оставив договор между нами.

— Семьсот тысяч.

Держу ручку над чистой страницей. На мастерскую с запасом на первые месяцы мне нужен миллион сто. У меня

двести шестьдесят. Вместе получается девятьсот шестьдесят, ещё до расходов на продажу.

— За половину компании?

— Это то, что я могу заплатить сразу. Не окончательное предложение.

— А окончательное когда?

— После сезона можно обсуждать больше. Если вы готовы подождать.

Ставлю кончик ручки на бумагу. Когда отнимаю, остаётся точка.

— Я приехала, чтобы перестать ждать, Михаил.

Он не отвечает сразу. За закрытой дверью стучат колёсики чемодана; во дворе звук становится тише.

— На счёте компании есть оплаты за лето, — говорит он наконец. — Из них ещё людей принимать, платить зарплату, аренду. Для выкупа я их брать не могу.

— Я не прошу отдать мне деньги гостей. Я спрашиваю, можете ли вы купить мою долю.

— Сегодня на условиях полного расчёта — нет.

От этого прямого ответа становится легче разговаривать. Записываю сумму.

— Тогда завтра в десять посмотрим документы. И я буду искать другого покупателя.

— Давайте посмотрим.

Он придвигает ко мне папку с договором. На первом листе название компании, ниже адрес здания. Я переворачиваю

страницу и начинаю выписывать вопросы к утру.

Глава 2

Утром не могу открыть верхнюю калитку.

Замок уже открыт, но ручка не поддаётся. Я тяну сильнее. Подходит женщина с жёлтым свёртком под мышкой.

— Она открыта. Приподнимите.

Приподнимаю створку за ручку, и защёлка выходит из паза. Калитка распахивается сразу, слишком легко; женщина придерживает её за край.

— Спасибо.

— Новенькая?

— Нина Корнеева. Племянница Веры Павловны.

— Тамара Лунёва. Вы маленькая сюда приезжали. А потом уже не видела.

— Давно не была.

За нами ждёт мужчина с велосипедом. Я отхожу на узкую улочку; калитка захлопывается с металлическим лязгом. Напротив стена с облупившейся синей краской и рекламой вывоза мусора.

Тамара кивает на дом через дорогу:

— Моя мастерская. Если брюки подшить или молнию заменить. Только сегодня до двух, потом заказ отвожу.

У неё над входом написано «Ремонт одежды». Нижний край вывески закрывает отросшая ветка. Я успеваю подумать, что хватило бы двух движений секатором, и заставляю

себя пройти мимо. Я здесь до пяти десяти.

— Вы к морю? — спрашивает Тамара.

— Собиралась посмотреть, как отсюда пройти. А по улице можно? — спрашиваю, когда она разворачивается к калитке.

— По улице долго. Вам кто-то сказал, что нельзя через двор?

— Нет. Хочу понять оба пути.

— Сначала короткий покажу. Мне всё равно вниз, клиентка в доме у спуска.

Мы возвращаемся во двор. Тамара приподнимает калитку привычным движением. Ирина вытирает столик под навесом; на втором сохнет перевёрнутая пепельница.

— Доброе утро, — говорит она. — Тамара, вы опять через посадки?

— Где через посадки? Я по плитке.

— Вчера мужчина за вами шёл и сошёл на землю. Кусты ещё не прижились, вытопчут.

— Так ему и скажите. Я тут при чём?

Ирина показывает на след подошвы между кустами. Тамара поджимает губы.

На краю двора дорожка сужается между навесом и клумбой. Здесь гостю придётся подвинуть стул, если кто-то идёт с сумками. Сейчас стол пустой, и я едва не задеваю его локтем.

От нижней калитки начинаются ступени. Потом переулок, ещё лестница, поворот у закрытого ларька. Между домами появляется вода.

— Вот, — говорит Тамара. — Чего там идти.

На телефоне пять минут пятьдесят восемь секунд. Секундомер я запустила у её мастерской.

— А когда пансионат закрыт?

— В обход. Ночью не пускают. Сейчас покажу, куда смотреть.

Она объясняет маршрут от верхнего перекрёстка и уходит к дому над спуском.

Я спускаюсь к воде. На узком пляже мужчина складывает лежаки, двое пожилых людей ходят вдоль прибоя. Вчерашний вечер я провела с договором и музейной схемой, так и не выбравшись сюда.

Сажусь на край бетонной ступени. Камешек попадает под пятку, я разуваюсь и вытряхиваю его из кроссовка. Потом опускаю ноги в воду. Холодная — пальцы сразу сводит. Подтягиваю ступни на сухое место и обхватываю колени.

Оставляю телефон на коленях и смотрю, как пена заполняет щель между плитами. Минут пять можно никуда не идти.

* * *

Чтобы проверить длинный маршрут, возвращаюсь наверх.

От мастерской иду к перекрёстку. Тротуар кончается возле гаражей. Нужно перейти дорогу, обогнуть длинный забор

и спуститься по другой лестнице. Между припаркованными машинами прохожу боком.

У моря останавливаю секундомер: девятнадцать минут с небольшим. От той же мастерской до того же спуска. Тамара не преувеличила. В блокноте набрасываю оба пути, отмечаю перекрёсток и место, где пришлось выйти на дорогу.

На обратном пути покупаю булку и захожу через нижнюю калитку. С улицы над ней хорошо видно название, но табличку «Приём гостей» заслоняет зонт. Приезжий попадает к столикам и дальше выбирает дверь наугад.

У пристройки Михаил разговаривает с мужчиной в рабочей куртке. Тот держит маленькую стремянку.

— Этот заменили, — говорит Михаил, указывая в коридор. — Теперь второй проверьте, он такой же. Я автомат отключу, потом начинайте.

Он замечает меня и смотрит на часы.

— Мы на десять договаривались?

— Ещё двадцать минут. Я завтракать.

— В кухне никого. Чайник только кипел.

Из кухни видно, как Михаил подбирает на лестнице забытый детский шлёпанец, ставит на подоконник. Потом возвращается проверить коридорный свет. Я завариваю чай и съедаю булку, пока электрик переставляет стремянку.

Ровно в десять стучу в кабинет.

Рядом с папками лежат перечень оборудования и таблицы. Михаил в чистой рубашке и вчерашних брюках, на ко-

лене белеет пыль.

— Бухгалтер прислала. Здесь прошлый год, здесь текущий. Расшифровки ещё будут в понедельник.

Я открываю договор аренды на отмеченной странице. До окончания семь лет.

— А дальше?

— Продление обсуждается отдельно. Оно не обещано.

Обвожу дату. Знакомый советовал «меньше пяти миллионов даже не разговаривать», словно я продаю полдома на побережье. Но здание чужое. Мне принадлежат пятьдесят процентов компании, которая его арендует.

В перечне двенадцать кондиционеров, кровати, матрасы, стиральные машины, кухонное оборудование. Сверяю с планом: служебная комната в число двенадцати номеров не включена.

— Ваша зарплата в какой строке?

Он показывает строку в таблице.

— Зарплата директора. Я не беру себе выручку, когда понадобится.

— Я не говорила, что берёте.

Михаил на секунду отводит взгляд к окну.

— Да. Извините.

Следом смотрим бронирования. В июне свободных мест ещё много, в июле и августе больше половины уже занято. Сверяю даты оплат с заездами, помечаю вопросы к бухгалтеру. Без расшифровки расходов эти цифры пока мало что

мне говорят.

— Я могу забрать копии? — спрашиваю я.

— Сейчас пришлю электронные. Там удобнее смотреть.

— И действующий устав. У меня из наследственного дела копия, хочу сверить.

— Пришлю.

За окном хлопает калитка. Я поднимаю голову.

— А проход где-нибудь оформлен?

— В смысле?

— Через двор. У жителей есть договор? Это условие аренды?

— Нет. Давно так ходят.

— Закрыть можете?

Михаил откидывается на спинку стула.

— Могу. Хотите закрыть?

— Я хочу знать, что продаю. Покупатель спросит, почему у него через двор весь день идут люди.

— Они по боковой дорожке идут.

— Которая упирается в столик. Я сегодня там проходила с Тамарой.

— Столик переставили весной. Раньше стоял ближе к стене.

— Почему не вернули?

— Там плитка просела. Качается. Нужно поднимать, подсыпать.

— Значит, пока люди обходят его по клумбе.

— Отметьте у себя: столик переставить, плитку поправить. До июня сделаем.

Прикрываю записи ладонью.

— Я составляю вопросы к продаже, а не план ремонта.

Михаил поворачивается ко мне. На ответ уходит несколько секунд.

— Здесь сверху люди живут. В обход двадцать минут. Тамара за день бывает туда и обратно несколько раз. Пока можно пропускать, пропускаем.

— Я прошла. Шесть минут и девятнадцать. Разница есть.

— Оба пути?

— Иначе откуда бы я знала?

— Обычно мне рассказывают, не проходя.

Он протягивает руку к моему блокноту, но останавливает её над столом.

— Покажете, где шли в обход?

Я поворачиваю к нему набросок. Теперь мы смотрим на него с одной стороны стола.

* * *

После разговора фотографирую пустую гостиную. Теперь можно отойти к окну и снять всю комнату, не захватив ничьих вещей.

Ирина проходит мимо со стопкой листов.

— Здесь не видно, что кухня отдельная, — говорит она,

посмотрев на мой экран. — Потом думают, что можно готовить прямо в гостиной.

Я меняю угол, захватывая вход в короткий коридор.

— А схему перед заездом отправляете?

— Адрес и как дойти. Схемы нет.

— Можно было бы сделать одну и высылать вместе с подтверждением.

— Можно. Если потом её не надо каждому отдельно объяснять по телефону. Я одновременно заселяю и отвечаю. — Ирина переводит взгляд с экрана на меня. — Вы надолго сюда?

— Сегодня уезжаю. Дальше пока не знаю.

— Понятно.

До четырёх разбираю фотографии и документы, потом собираю вещи. Договор, таблицы, перечень имущества, устав уже скачаны на ноутбук. Михаил прислал и телефон бухгалтера с пометкой, когда ей удобно звонить. Возвращаю ключи Ирине и ещё раз проверяю стол: зарядку я уже дважды оставляла в поездках.

На выходе встречаю Тамару. Свёртка уже нет; в руке хозяйственная сумка.

— Нашли дорогу?

— Нашла. Девятнадцать минут.

— Вот. А вы говорите.

Я ничего такого не говорила. Тамара, похоже, уже определила мне место в споре, который идёт без меня несколько

лет.

— Я ещё ничего не решила, — отвечаю я.

— Так я вас и не тороплю.

Она приподнимает ручку калитки и уходит наверх.

Я выбираюсь через другую, нижнюю. До автостанции восемнадцать минут, как обещал Михаил. Прихожу за двенадцать минут до отправления и сажусь на свободную скамейку у нужной платформы.

В телефоне нахожу контакт Дениса Кротова. Номер дал бывший заказчик, продавший небольшую типографию. До поездки откладывала разговор: хотелось сначала самой увидеть пансионат.

Пишу, что хочу продать пятьдесят процентов ООО, работающего в арендованном здании в Сосновой Бухте. Указываю оставшийся срок аренды и число номеров. Спрашиваю, возьмётся ли он и какие документы нужны для предварительного разговора.

Перечитываю сообщение. В нём нет ни моря, ни розмарина под окном, ни шести минут через двор. Всё это покупатель увидит, если дойдём до осмотра.

Я нажимаю «Отправить» и убираю телефон, пока водитель проверяет мой билет.

Глава 3

В понедельник к девяти утра оба варианта музейной схемы отправлены, а на кухонном столе опять негде поставить чашку.

Сдвигаю к стене коробку с образцами пластика. Под ней лежит ложка, которую я искала вчера. На экране появляется номер Дениса Кротова.

— Нина, посмотрел ваши материалы. Удобно говорить?

Вчера я отправила ему фотографии и сводные цифры без имён гостей. Договор аренды он попросил целиком.

— Удобно.

— Есть компания, которая ищет небольшой объект на побережье. Работают с организованными группами. По их бюджету можно обсуждать около двух миллионов за ваши пятьдесят процентов.

Ставлю чашку прямо на коробку.

— Сразу?

— Полный расчёт после проверки. Сначала им нужно посмотреть документы и сам пансионат, поговорить со вторым участником. Два миллиона — предварительный ориентир, не подтверждённая цена.

Я записываю сумму. Цифры помещаются на одной строке, и от этого всё кажется проще, чем в пятницу.

— Сколько займёт проверка?

— Если документы в порядке и со всеми можно договориться, несколько недель. Но точную дату денег я сейчас не назову. У вас с партнёром конфликта нет?

— Он хочет выкупить сам. Пока не может.

— Тогда предупредите его, что будете обсуждать стороннюю продажу. Покупателю важно понимать, как дальше работать вдвоём. Половина компании всё-таки.

— Они хотят оставить пансионат?

— Размещение оставят. Какой формат — будут считать. Им интересны длительные заезды, меньше смен гостей. Это нужно обсуждать с директором.

В пятницу я сказала Михаилу, что буду искать другого покупателя. Теперь нужно позвонить и сообщить, что покупатель, возможно, нашёлся. Я отодвигаю блокнот, словно для этого разговора требуется освободить ещё немного места.

— Пришлите мне условия работы с вами, — прошу Дениса. — И список того, что им понадобится. Документы дальше пока никому не передавайте.

— Хорошо. Согласуем, что можно показать.

После звонка я открываю смету мастерской. Двести шестьдесят тысяч своих, возможные два миллиона за долю. На первый взнос, оборудование и запас денег хватит. Даже с расходами, которые ещё предстоит уточнить.

Я впервые позволяю себе убрать из сметы пометку «позже» возле большого рабочего стола. Потом возвращаю её. Денис слишком отчётливо сказал: цена не подтверждена.

Вторую сегодняшнюю сдачу отправляю без десяти одиннадцать. Заказчик отвечает, что получил файлы, и я закрываю ноутбук, прежде чем успеваю найти ещё одно дело.

* * *

В помещении под мастерскую пахнет свежей штукатуркой. Хозяйка стоит у открытого окна и пытается подпереть створку свёрнутым журналом.

— Тут дует насквозь. Летом хорошо. Зимой, конечно, закрывать будете, но окна новые, не продувает.

Она поворачивает створку, прижимает журналом к стене и отходит.

Я пришла сюда ещё в апреле. Тогда в дальней комнате лежали коробки прежнего арендатора. Теперь их нет, и видно розетку под самым потолком. Придётся опускать провод к столу или переносить розетку. На фотографиях я этого не заметила.

Достаю рулетку. От окна до перегородки чуть больше трёх метров. Стол войдёт. У стены можно поставить стеллаж с длинными полками, в маленькой комнате — хранить листовые материалы.

— Вы одна работать будете?

— Пока да. Потом по проектам с коллегами.

— Шумно?

— В основном макеты, графика. Большое изготовление

заказываем отдельно.

Хозяйка кивает, но видно, что хочет спросить другое.

— До воскресенья подожду, как обещала. Потом буду ещё показывать. Я вас не подгоняю, просто пустует уже.

— Понимаю. В воскресенье отвечу.

Я убираю рулетку и делаю снимок из дальнего угла. Здесь никто не пройдёт между камерой и столом. Никто не попросит убрать бумагу, потому что сейчас придут ужинать. Но деньги за долю ещё не мои, а из двухсот шестидесяти нужно жить и выполнять уже взятые заказы.

На лестнице останавливаюсь и звоню Михаилу.

Он выслушивает про Дениса и возможную сумму. Не перебивает. Потом спрашивает:

— Вы уже договорились об осмотре?

— Нет. Сначала хотела вам сказать.

— Понял. У меня завтра с одиннадцати до часа есть время. Приезжайте, если можете. Будут расшифровки, которые вы просили. И я хочу кое-что предложить.

— По выкупу?

— По тому, как дожить до выкупа. Лучше с бумагами поговорить.

Внизу хлопает дверь. Хозяйка проходит мимо и машет рукой, не мешая разговору.

— В половине двенадцатого буду, — отвечаю я.

* * *

Во вторник я снова провожу два часа в автобусе. У поворота к Сосновой Бухте дорогу сужают до одной полосы, и мы несколько минут стоим. На этот раз осмотр я никуда не пытаюсь втиснуть: в календаре занята вся середина дня.

Михаил ждёт в кабинете. На подоконнике рядом с пакетом крепежа лежит снятая дверная ручка. На столе, кроме отчётов, — распечатки моих фотографий. На одной видна стрелка у закрытой двери.

— Это вы откуда взяли?

— Вы же прислали их вместе с вопросами. Я показал Ирине. Она сказала, у нижней калитки ещё хуже.

— Там зонт мешает.

— Да. Садитесь.

Он разворачивает ко мне расчёт. Внизу две колонки, подписанные от руки: «Компания» и «Личные».

— Сразу два миллиона я вам не соберу, — говорит он. — Сезонный результат ещё неизвестен. Но к осени могу добавить к своим семистам ещё двести. Из зарплаты. Это не деньги с бронирований.

— Девятьсот тысяч в ноябре?

— Да. По остальному нужна рассрочка. Сумму и условия предлагаю обсуждать отдельно, когда проверим всё, что вы запросили.

— Эти двести вы уже посчитали по месяцам?

Он подаёт второй лист. Я вижу пять строк, с июня по октябрь, и напротив каждой — сорок тысяч.

— У вас остаются деньги на жизнь?

— Остаются. Квартира своя. Больших покупок пока не будет.

Я провожу пальцем по краю листа. Впервые передо мной не просьба подождать, а расчёт. Он всё ещё может не сойтись, но его хотя бы можно проверить.

— Я не могу просто отложить мастерскую до ноября, — говорю я. — В расчёте покупателя свои риски, я понимаю. Но там речь о нескольких неделях. У вас — о полугоде.

— Поэтому я предлагаю работу. На сезон. Вы говорили Ирине про схему для гостей. И всё, что вы прислали по двору… У нас это несколько лет делается по кусочкам. Можно собрать нормально.

— Я не администратор.

— Я знаю. У меня есть администратор.

Он убирает фотографию со стрелкой и кладёт передо мной чистый лист.

— Навигация. Описания номеров, чтобы люди понимали, куда едут. Маршруты для гостей. Предложения для небольших групп, которые здесь действительно можно принять. Сколько времени вам на это надо?

Я смотрю на белый лист. Можно сейчас перечислить всё, что успела заметить, и к концу разговора согласиться ещё на

сайт, фотографии и переписку с гостями. Так уже бывало. Потом я неделями объясняла, почему обещанное «заодно» занимает больше времени, чем основная работа.

— Сначала нужно определить, что будет готово на выходе. И кто согласовывает. У меня музей до конца сентября. Двадцать шестого открытие, оно не сдвинется.

Михаил записывает дату.

— Сколько дней в неделю вам нужно на свои заказы?

— Два рабочих дня. Не вечером после ваших дел. Отдельных.

— Здесь работать сможете?

— Часть времени. На встречи и монтаж буду ездить в Речинск.

— Хорошо. Тогда на пансионат три дня. С июня по сентябрь. Пятьдесят пять тысяч в месяц.

За четыре месяца получается двести двадцать. Не вся сумма останется у меня, но это работа, из-за которой не придётся трогать накопления на текущие расходы. Музей я сохраняю. Осенью смогу показать не отдельные таблички, а законченную систему в работающем месте.

— За изготовление и материалы платит компания, — говорю я.

— Конечно.

— И я не обязуюсь продать долю вам только потому, что работаю здесь.

Михаил выпрямляет лист перед собой.

— Хотелось бы понимать, что вы не уйдёте в середине августа.

— У работы будет срок. У продажи — свои переговоры. Я могу закончить проект и продать другому. Или не договориться с вами о цене.

Он встаёт, отходит к окну. Снаружи кто-то катит по дорожке пустой мусорный бак. Михаил следит за ним, пока шум не уходит за угол.

Я жду. Не добавляю, что постараюсь учесть его интересы, хотя очень хочется чем-нибудь облегчить паузу.

— Хорошо, — говорит он. — Окончательная продажа отдельно. Но о переговорах сообщайте. Чтобы я не узнавал от человека с рулеткой во дворе.

— Сообщу. Я и сегодня поэтому приехала.

Он возвращается к столу и поворачивает ко мне лист. Наверху написано моё имя. Ниже — дата музейного открытия и три строчки о работе.

— Составите перечень?

— Составлю. Только после того, как Ирина скажет, сколько из этого придётся делать ей.

Михаил ненадолго закрывает глаза.

— Да. Ирина это тоже сказала.

Я смеюсь раньше, чем успеваю удержаться. Он смотрит на меня и впервые улыбается без торопливости, словно ближайшие две минуты у нас действительно свободны.

Я придвигаю к себе лист с его записями и начинаю пере-

чень работ.

Глава 4

В пятницу Ирина кладёт на стол распечатку и обводит ручкой две строки.

— Вот это убирайте. И вот это.

Я ещё не успеваю открыть свою папку. Михаил отодвигает чашку, чтобы на неё не лёг лист.

— Что именно?

— «Информационное сопровождение гостей». «Участие в повышении качества обслуживания». Кто участвует? Каким способом? Нина будет отвечать, почему в восьмом номере чайника нет?

— В номерах нет чайников, — говорит Михаил. — Они на кухне.

— Вот именно. У нас каждый третий спрашивает. Вы хотите, чтобы она писала объяснение или носила чайники?

Я снимаю крышку с ручки.

— Писала. Один раз, в описании. Давайте отсюда и начнём.

После вторничной встречи мы обменялись двумя вариантами перечня работ. Мой состоял из конкретных материалов. В ответном появились эти две строки и ещё «иные согласованные поручения». Теперь, 29 мая, мы сидим втроём в кабинете. У Ирины до следующего заселения сорок минут.

— Это стандартная формулировка, — говорит Михаил.

— Не будем же перечислять каждую бумажку.

— Каждую не будем. Но понять объём нужно. Если схема кухни — это бумажка, а переписка с гостями — тоже, у меня получится совсем другая работа.

Я вытаскиваю свой вариант. В углу на нём след от чашки. Перепечатывать только из-за этого я не стала.

— Первый этап: проверить путь гостя от бронирования до заселения. Где ошибаются и чего не понимают. Потом — указатели и схемы. Отдельно описания: что есть в номерах, что общее, куда можно пройти. Дальше маршруты и варианты для групп. Для каждого этапа результат, срок, кто утверждает.

— И кто потом меняет, — добавляет Ирина. — У нас цена одна сегодня, другая на июль. Если она нарисует красивую табличку, а я не смогу цифру поправить, мне опять звонить?

— Цены будут отдельно от постоянной части. Всё, что меняется часто, сможете менять сами. Покажу как.

— Сколько времени это займёт?

— Встреча на час. Потом проверим на одном примере.

Ирина записывает на своём листе «час».

— Тогда заранее. В субботу я этому учиться не буду.

— В будний день, — отвечаю я.

Мы разбираем перечень. Михаил вычёркивает «информационное сопровождение». До «иных поручений» доходит не сразу.

— А если понадобится что-то, чего сейчас не видно?

— Оценим отдельно. Либо заменим одну задачу другой, либо договоримся о дополнительной оплате.

— За одну стрелку?

— Если это одна стрелка, я так и скажу. Но если к ней нужно обойти двор, согласовать место, заказать основу и найти того, кто повесит, это уже не пять минут.

Ирина подвигает к нему свою распечатку. Михаил смотрит на обе, потом вычёркивает и эту строку.

Мне становится немного неловко. Кажется, будто я добиваюсь разрешения делать поменьше. Я открываю рот, собираясь предложить заодно обновить фотографии кухни, и вовремя замечаю, что съёмки в сегодняшнем перечне вообще нет.

Молчу.

— Согласование за мной, — говорит Михаил. — Всё по размещению и сменам сначала с Ириной. Технические вещи со мной. Материалы и изготовление оплачиваем отдельно от вашего вознаграждения.

— И ни одного монтажа «вечером сами прикрутим», — произносит Ирина. — У меня после семи уже автобус.

— Вы ничего прикручивать не будете.

— Хорошо. Я запомнила.

Она смотрит на часы и собирает листы.

— Мне пора. Если решите, что я где-то участвую, пришлите до того, как поставите дату.

Михаил кивает. Когда Ирина выходит, он возвращает

чашку на свободное место.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Как?

— Будто я собирался заставить вас двоих делать всё подряд.

Я смотрю на зачёркнутые строки.

— Вы пока сами не знали, что туда войдёт.

Он проводит ладонью по затылку и берётся за следующий лист.

— Давайте с днями разберёмся.

Среду и пятницу оставляем для моих заказов. На пансионат — понедельник, вторник и четверг. Перестановки обсуждаем заранее; случайная просьба не отменяет день, отведённый другому заказчику. В выходные постоянной доступности от меня не ждут.

— Но вы ведь будете здесь жить, — говорит Михаил.

— Часть времени. Иногда буду уезжать. И даже если сижу в комнате, я могу работать для другого заказчика.

Он смотрит на меня, потом записывает дни.

— Понял.

Бухгалтер присылает уточнения к расчёту вознаграждения. Пятьдесят пять тысяч в месяц, четыре месяца, расходы на производство отдельно. Я переношу в свой календарь даты этапов и проверяю, что музейный монтаж никуда не исчез.

К концу сентября в пансионате должны остаться готовые

материалы, файлы для изменений и понятный порядок, кому что передано. Продолжение после тридцатого — только новая договорённость.

— А выкуп? — спрашивает Михаил.

— На работу он не влияет. Давайте назначим дату, когда вернёмся к цене и условиям.

— В июле?

— До середины июля. Иначе я не смогу ничего планировать.

Мы ставим пятнадцатое июля. Осеннее оформление, если договоримся, — не позже конца ноября. Ни обещания продать, ни обещания купить в этом договоре нет.

Михаил перечитывает правки. Я жду, глядя, как медленно движется его палец по краю листа.

— Я вечером отправлю чистовой, — говорит он. — С утра сверим.

* * *

Служебная комната пахнет тем же розмарином. Лампа снова стоит посередине стола. Я переставляю её к стене, подключаю ноутбук и открываю музейную схему.

Лев ответил в понедельник: второй вариант можно развивать, но входную точку нужно проверить на человеке, который впервые видит план. Я зову на помощь несуществующего посетителя, мысленно ставлю его у двери и только через

десять минут понимаю, что опять объясняю себе собственное решение.

На схеме это выглядит очевидным. В зале может оказаться иначе.

Пишу Льву, что на следующей неделе приеду с бумажным образцом. Пятница у меня свободна для музея. Впервые за эти дни я выбираю дату, не прикидывая, что из-за неё придётся делать ночью.

За дверью останавливаются.

— Нина, можно?

Михаил держит под мышкой сложенную сушилку для белья. Отходит от порога, пропуская горничную с ведром.

— Я через час уеду. Вы завтра до скольких здесь?

— До обеда хватит. Если документы будут готовы.

— Будут. Ключи вам оставим. И ещё… Посмотрите, что нужно в комнате. Ирина сказала, вы лампу на окно убирали.

Я поворачиваюсь к столу. Ноутбук занимает почти всю глубину.

— Стол бы побольше. Если есть.

— В кладовой стоит. До начала работы перенесём. Что ещё?

Вопрос простой, но мне хочется сначала доказать, что я не привередничаю: показать схемы, измерить ноутбук, объяснить, почему нельзя работать на кровати. Вместо этого говорю:

— Удлинитель. Розетка за шкафом, провод не дотягива-

ется.

— Записал.

Он всё ещё стоит с сушилкой. Я смотрю на неё.

— Вы её весь день носите?

— Нет. Только когда надо с кем-нибудь серьёзно поговорить.

Я смеюсь. Он опускает глаза на сушилку, словно сам только сейчас её заметил.

— Из коридора убираю. Пока нёс, вспомнил про вас.

— Спасибо. За стол тоже.

— Утром увидимся.

Я возвращаюсь к схеме. Через несколько минут ловлю себя на том, что всё ещё улыбаюсь. Ставлю на пол чашку, которую чуть не задеваю локтем, и освобождаю край стола для образца.

* * *

В субботу мы сверяем чистовой текст. В нём нет зачёркнутых строк. Мои два дня стоят отдельным пунктом, музейная дата внесена в календарь этапов. Михаил читает так же внимательно, как вчера, хотя сам прислал документ.

Я подписываю свой экземпляр. Начало работы — первое июня, окончание — тридцатое сентября.

На этот раз уезжаю дневным автобусом. По дороге отмечаю в телефоне, что взять с собой: нож, коврик для резки, об-

разцы, зарядку, лёгкую куртку. Потом добавляю купальник. Он лежит дома в ящике с зимними шарфами: после прошлогоднего отпуска я так и не переложила вещи.

В воскресенье хозяйка помещения звонит сама.

— Нина, у вас получилось с деньгами?

Я стою посреди кухни. На полу две сумки: одна с одеждой, другая с рабочими материалами. Музейные листы лежат на столе, прижатые по углам книгами.

— Пока нет. Я этим летом не сниму. Не держите для меня.

— Жаль. Мне казалось, вам очень подошло.

— Подошло.

Она желает удачи, и мы прощаемся. Я открываю фотографию пустой комнаты. Смотрю дольше, чем собиралась, потом закрываю.

Денису пишу, что пока не назначаю осмотр: решила сначала пройти летний сезон, но вопрос продажи остаётся открытым. Он отвечает, что интерес покупателя к осени нужно будет уточнять заново. Никакой цены за мной не сохраняют.

Я перечитываю эту строку. Принимаю, что выбрала и этот риск тоже.

Убираю телефон, складываю рабочие материалы в сумку. Коврик не входит. Перекладываю одежду из второй сумки в рюкзак. В освободившуюся коврик помещается.

На столе остаются ключи от квартиры. Завтра я снова уеду, но в пятницу вернусь сюда работать. Прикрепляю к календарю над столом копию своего расписания. Два дня в

каждой неделе закрашены одним цветом, три — другим.

Клетка на первое октября пока пустая.

Глава 5

В понедельник мой стол приходится обходить сбоку.

Он занимает почти всю стену между шкафом и окном. Старый, с выцветшим прямоугольником на столешнице: когда-то здесь долго стояло что-то тяжёлое. Коврик для резки ложится целиком. Рядом помещается раскрытый ноутбук, и ещё остаётся место для двух листов.

Под столом закреплён удлинитель. Я подключаю лампу и ставлю её слева. Потом открываю шкаф — дверца не задевает стул, если задвинуть его до конца.

Ирина приносит вторую наволочку и останавливается в дверях.

— Вошёл всё-таки. Михаил вчера мерил, сказал, хватит.

— Хорошо вошёл. Спасибо.

— Ему скажите. Мы только вещи убрали.

Она кладёт наволочку на кровать.

— И по калитке вам передавали? Верхнюю поправили, теперь поднимать не надо.

Я действительно открыла её с первого раза. Пока несла сумки, даже не заметила.

— А столик?

— Плитку переложили. Столик вернули к стене. С утра Тамара прошла и ничего не сказала, значит, нормально.

В её голосе нет торжества. Она проверяет, не осталось ли

на столе забытых вещей, и уходит заселять гостей.

Я достаю из сумки купальник. Для него находится верхний ящик шкафа. Рабочие образцы ставлю к стене, где прежде не помещался даже блокнот. Пишу Михаилу: «Стол удобный. Спасибо. И удлинитель на месте».

Ответ приходит, когда я уже расстилаю план двора: «Хорошо. Завтра в девять начнём?»

Я подтверждаю и придвигаю стул. На сегодня у меня описания помещений и список того, что нужно проверить на месте. К вечеру из него получается целая страница вопросов, но впервые за долгое время не приходится складывать работу, чтобы поесть: ужинать можно в общей кухне.

* * *

Во вторник в девять Михаил ждёт меня у нижней калитки. В руках связка ключей и лист с временем сегодняшних заездов.

— С какой стороны начнём?

— Отсюда. Как человек, который впервые приехал.

— Вы уже знаете, куда идти.

— Поэтому пока буду смотреть, что он увидит. А потом попросим кого-нибудь проверить.

Я выхожу в переулок. Отсюда хорошо читается только «Южная лестница». Табличка с приёмом гостей видна наполовину. Михаил убирает зонт, и половина превращается в

целую, но от калитки буквы всё равно слишком мелкие.

— Так лучше?

— Лучше. А теперь верните.

Он смотрит на меня.

— В июле его всё равно раскроют. Люди сидят под ним, не под вывеской.

Михаил возвращает зонт в держатель.

От калитки дорожка идёт вдоль двора. Прямо — дверь в гостиную, чуть левее — короткий проход к пристройке. Знакомый человек свернёт, не задумываясь. Незнакомому придётся выбирать уже после того, как он пройдёт под навесом.

Я ставлю на плане крестик у поворота.

— Здесь нужна стрелка. Чтобы её было видно ещё от входа.

— На столбе?

— На нём. Со стороны калитки.

Михаил проводит ладонью по белой поверхности. На пальцах остаётся меловой след.

— Сюда сейчас только лёгкое. Под краской старая штукатурка отходит. Для постоянной таблички надо основание готовить.

Я подхожу ближе и вижу тонкую трещину, которую с дорожки приняла за царапину.

— К пятнице успеете?

— Подготовить — да. Но сначала определитесь с местом. Я не хочу потом переносить крепления на двадцать санти-

метров.

— Сначала проверим на бумаге.

Он смотрит на мой план, где крестик уже обведён.

— Это пока не окончательно?

— Пока гипотеза.

— Тогда карандашом бы.

— Следующую нарисую карандашом.

Я пытаюсь стереть крестик пальцем, только размазываю чернила. Михаил достаёт из кармана короткий карандаш и молча протягивает мне. На конце нет ластика, зато грифель остро заточен ножом.

У пристройки старая стрелка всё ещё указывает на закрытую дверь. Шезлонги от неё убрали.

— Здесь раньше принимали? — спрашиваю я.

— Да. Зимой переставили стойку. В новой комнате удобнее работать.

— Табличка осталась.

— Осталась.

Он снимает её с двух крючков. Под ней краска заметно светлее. Теперь на стене нет ложного указания, но правильного тоже нет.

Мы возвращаемся в кабинет. Пока я собираю простые надписи для печати, Михаил приносит три тонкие дощечки и зажимы.

— Для улицы на день хватит. Ничего к стенам клеить не придётся.

Я распечатываю три листа. На первом — «Приём гостей» со стрелкой. На втором та же надпись без стрелки, для двери. На третьем — стрелка для верхнего входа; его пока откладываю.

Ирина отрывается от бронирований.

— До обеда должны приехать в третий номер. В первый раз. Только не водите их кругами, они с дороги.

— Мы вообще не будем водить. Спросим, как они прошли.

— Тогда хорошо.

К одиннадцати первая стрелка стоит у поворота, на открытой двери — надпись. Михаил уходит проверить воду в верхнем корпусе. Я сажусь в гостиной, откуда видно часть дорожки.

Гостья приезжает одна. Светлая куртка перекинута через ручку чемодана, на плече большая сумка. У калитки она останавливается, смотрит в телефон. Потом поднимает голову и идёт прямо к нашему повороту.

Не встаю. Очень хочется выйти и показать рукой, но тогда я не узнаю, нужны ли были эти листы.

Женщина видит стрелку, поворачивает к пристройке и почти сразу притормаживает. Бумага на столбе осталась у неё за спиной. Впереди две двери: на открытой надпись есть, но её не видно — створка развёрнута к стене.

Гостья ставит чемодан и зовёт:

— Здесь кто-нибудь есть?

Ирина выходит навстречу. Я даю ей закончить заселение и только потом подхожу.

— Можно один вопрос? Мы проверяем указатели. Где вы перестали понимать, куда идти?

Женщина показывает на две двери.

— Вот тут. Я думала, это уже вы должны меня увидеть.

— А стрелку от калитки заметили?

— Заметила. Поэтому и пошла. Только двери у вас одинаковые.

Она не раздражена, ей уже хочется попасть в номер. Я благодарю и отхожу, освобождая путь Ирине.

Табличку я ставила на закрытую дверь. В кабинете она выглядела хорошо.

* * *

— Значит, обе выше, — говорит Михаил, когда я показываю, что получилось. — И надпись над дверью.

— Над дверью не увидят из-за поворота. Нужно на стену рядом, со стороны дорожки. Чтобы не зависеть от того, открыто или закрыто.

Я держу лист у стены. Он отходит к калитке, возвращается.

— Так нормально. Но на столбе я бы стрелку развернул к лестнице.

Пробую. Теперь гостю видно лучше, зато человек, спус-

кающийся от верхней калитки к морю, прочитает её боком. Ему она и не нужна, но из-за поворота стрелка выглядит как указание дальше вниз.

— Давайте вы пройдёте сверху, — предлагаю я. — Не по привычке. Смотрите на лист.

Михаил идёт к верхней калитке. Я остаюсь возле столба. На середине дорожки он замедляется, смотрит через плечо на пристройку.

— Да, — говорит он. — Можно решить, что вход внизу.

Возвращаем первый угол. Для верхней стороны берём второй лист со стрелкой. На плане появляются два разных направления вместо одного универсального решения.

Мы пробуем ещё раз. Потом меняемся: я иду от нижней калитки, Михаил стоит у двери и молчит. Дойдя до стойки, я кладу ладонь на столешницу.

— Добрый день. Мне ключ от номера.

— Паспорт, пожалуйста.

— Я совладелица.

— Тем более.

Ирина, которая всё слышит из кабинета, протягивает мне мой настоящий ключ.

— Заберите наконец. С утра на принтере лежит.

Михаил отворачивается первым. Я вижу, как у него вздрагивают плечи, и тоже начинаю смеяться. Ирина возвращается к телефону, оставив нас посреди пристройки.

После обеда я переношу изменения в файл. В постоянных

табличках ещё нужно выбрать материал, размеры и способ крепления. Пока оставляем бумажные, чтобы посмотреть на следующие заезды. Михаил записывает подготовку столба на четверг.

— И вечером надо пройти, — говорю я. — Днём белый лист видно отовсюду. После темноты может пропасть.

— Сегодня после девяти?

— Я могу.

Он сверяется с телефоном.

— Мне к подрядчику к восьми. Возвращаться сюда уже не планировал. Давайте в четверг, если не слишком поздно для вашей поездки.

— В четверг. Я утром в пятницу уеду.

Мы договариваемся на девять. Михаил собирает зажимы, оставшиеся на подоконнике, а я протягиваю карандаш.

— Оставьте. У меня ещё есть.

Я кладу его на план. Сегодня на нём появились вещи, которых вчера не было: две стрелки для разных подходов, дверь, которая скрывает собственную надпись, место, где гостя нужно встретить.

Открываю список работ. Первую строку пока не отмечаю выполненной — до четверга. Зато рядом с ней уже можно написать, что именно осталось проверить.

Глава 6

В музее Лев просит меня отойти от собственной схемы.

— Подальше. И не подсказывать.

Я делаю два шага назад. Бумажный образец закреплён на временном щите у входа. Я привезла его свёрнутым в рулон, два часа придерживала в автобусе коленями, потом несла от автостанции, стараясь не задеть прохожих. Теперь нижний угол упрямо загибается к стене.

На часах без четверти двенадцать. Пятница, пятое июня. Я успела зайти домой, оставить сумку и переобуться; в музее от прохладного пола сразу мёрзнут ноги.

Женщина с короткой стрижкой стоит перед щитом. Она работает в соседнем помещении, в наш зал ещё не заходила. Лев позвал её на пять минут.

— Представьте, что пришли на выставку, — говорит он. — Куда пойдёте?

Женщина смотрит на схему, затем в зал.

— Сюда, наверное.

Она поворачивает направо.

— Почему? — спрашивает Лев.

— Тут первая фотография. А туда, — она показывает налево, — я думала, ещё нельзя.

В левом проёме стоит стремянка. На полу за ней лежит свёрнутый кабель.

— Сейчас можно, — говорит он.

Женщина послушно идёт налево. Я уже открываю рот, чтобы объяснить, почему на монтаже нельзя проводить такой тест, но Лев поднимает руку.

— Давайте ещё раз без стремянки.

Он сам убирает её к стене, сматывает кабель. Я разглаживаю нижний край листа. Женщина возвращается ко входу.

На этот раз она долго читает центральный текст. Потом ищет начало маршрута на плане. Проводит пальцем по линии, поворачивается к нам.

— В общем, мне в левую комнату? А там тоже фотографии?

— Да, — отвечаю я.

— А почему нельзя сразу посмотреть эти?

У меня готовы два ответа: про последовательность разделов и про то, что общая экспозиция ещё не собрана. Я не произношу ни один. Женщина смотрит на снимок возле правого проёма, который заинтересовал её с самого начала.

— Можно, — говорит Лев. — Спасибо, вы нам помогли.

Она уходит к себе. Я снимаю образец со щита и кладу на длинный стол.

— Если вход свободный в любую сторону, зачем мы согласовывали последовательность?

— Последовательность нужна. Но вы заставляете сначала прочитать инструкцию к ней.

Он подходит к листу.

В центре — название выставки «После смены», ниже короткий вступительный текст. От него расходятся линии к трём разделам. На экране это выглядело собранно: название, время, движение из комнаты в комнату. В настоящем зале человек видит фотографии раньше, чем успевает разобраться с линиями.

— Вы хотите всё упростить до трёх стрелок?

Лев смотрит на меня.

— Я хочу, чтобы человек не чувствовал, что уже вошёл неправильно.

Мне неприятно, что он прав именно в этой формулировке. Я сама недавно стояла во дворе и ждала, когда женщина найдёт дверь, не догадываясь о моём замысле.

— Хорошо, — говорю я. — Начало маршрута отдельно. Вступление не над планом, а рядом, чтобы его можно было прочитать потом.

— Покажите ещё вариант без линий между комнатами. С номерами разделов.

— Тогда нужно обозначить эти номера в самих проёмах.

— Покажите вместе. Иначе мы опять будем обсуждать половину решения.

Я открываю ноутбук, но он смотрит на часы.

— Сейчас не успеем. Завтра к одиннадцати можете принести?

— Могу.

Говорю слишком быстро. На завтра я собиралась ничего

не назначать до вечера. Выспаться, зайти на рынок, наконец убрать материалы с кухни. Но мы уже потеряли больше часа, а я хочу показать, что умею исправлять свою работу.

Лев собирает листы с замечаниями.

— И бюджет обновите по изготовлению. Если у входа станет два щита вместо одного, нужно знать сейчас.

— Обойдёмся одним. Пересоберу.

— Тогда до завтра.

* * *

Я остаюсь в зале ещё на полчаса. Сотрудник приносит фотографии для примерки и расставляет вдоль стены, не снимая защитных уголков.

На одном снимке трое мужчин сидят на бордюре у проходной. Пиджаки сложены рядом, на коленях у среднего — букет. Он держит его обеими руками, как вещь, с которой не умеет обращаться. Двое других смотрят куда-то за край фотографии и смеются.

Я приседаю, чтобы увидеть подпись на временной карточке. Пятница, июнь, тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый. Человек с букетом мог ждать жену, мог идти на юбилей, мог сам получить цветы. В подписи этого нет. На снимке ему неловко и весело, и мне не хочется переводить взгляд на соседний.

Становится понятнее, почему женщина не пошла изучать

мою схему. Я бы тоже задержалась здесь.

В телефоне сообщение банка: пришёл музейный аванс, сто двадцать шесть тысяч. Тридцать процентов от четырёхсот двадцати, как в договоре. Лев написал следом, чтобы я проверила поступление.

Подтверждаю. В таблице проекта отмечаю платёж и будущие расходы. Это деньги на работу, часть которых уйдёт на изготовление и помощь. До бюджета мастерской они пока не добрались.

У выхода звоню в печатную мастерскую. Оператор говорит, что большой лист смогут выдать только утром. Я бронирую время, отправляю размеры и смотрю на часы. Чтобы успеть, файл нужен к открытию.

Дома включаю чайник и раскладываю образец на кухонном столе. Прижимаю загнутые углы кружкой и стопкой книг. Потом режу лист по линиям и передвигаю части на чистом основании.

Убираю соединения между комнатами. Отдельно ставлю начало маршрута. Снимаю с первого плана вступительный текст — он всё ещё нужен, но от него зависит меньше, чем мне казалось.

За этим проходят два часа.

Телефон лежит возле чашки. От Михаила ни одного звонка. В общей рабочей папке появляется документ с названием «К понедельнику»: Ирина внесла вопросы по описаниям номеров, Михаил добавил ответы про оборудование. Моей

реакции сегодня никто не просит.

Вчера мы прошли двор после девяти. Две стрелки ещё читались, а надпись у двери почти исчезла в тени. Михаил принёс переносной свет, мы проверили другое положение листа и записали, где нужен постоянный светильник. К половине десятого закончили. Когда я сказала, что утром выезжаю, он спросил только, успеваю ли на автобус.

Теперь я без всякой необходимости открываю его сообщение про стол. Закрываю. Возвращаюсь к макету.

В половине девятого вспоминаю, что после булочки по дороге в музей ничего не ела. В холодильнике есть яйца, кусок сыра и помидор, который уже пора использовать. Жарю омлет. Пока сковородка остывает, проверяю подписи и номера комнат.

Ставлю тарелку на свободный край стола. На этот раз не убираю работу целиком, только сдвигаю её подальше от еды. За окном кто-то долго ищет место для машины, потом глушит двигатель прямо под моим окном.

Первый вариант мне всё ещё нравится больше. Я открываю его рядом с новым и понимаю, сколько придётся переделать в остальных материалах, чтобы они снова совпали. По одной схеме это выглядело как вечер работы. Вместе — уже нет.

Составляю список. Доходит до второй страницы.

Я могла бы написать Асе: она делала похожие выставочные системы, мы работали вместе ещё в бюро. Но сначала

нужно посчитать, что именно ей отдать и сколько я готова заплатить. Сейчас кажется, что быстрее поправить самой.

Пишу рядом с первыми четырьмя пунктами: «Выходные».

* * *

В субботу я стою у печатной мастерской за десять минут до открытия. Рулон забираю тёплым, с резким запахом свежей печати. Несу его вертикально, придерживая верх ладонью. Нижний край прежнего образца ещё торчит из сумки — я взяла оба, чтобы не спорить по памяти.

Лев встречает меня в зале. Стремянки у входа нет. На щите остались следы вчерашних зажимов.

— Сегодня у нас другой человек, — говорит он.

Женщина вчерашнего дня не подходит: она уже знает, куда мы хотим её отправить. На этот раз Лев просит помочь мужчину, который привёз коробки для музейного магазина. Тот снимает куртку, остаётся в футболке и смотрит на нас с сомнением.

— Мне читать вслух?

— Нет. Просто решите, куда вы пойдёте, — отвечаю я.

Он смотрит на входную панель, на цифру у левого проёма. Идёт туда, затем возвращается к фотографии с букетом.

— А так можно?

Я успеваю ответить раньше Льва:

— Можно.

Мужчина кивает. Пока мы молчим, читает подпись, подходит к следующему снимку. Потом спрашивает, нужен ли он ещё: машину оставил ненадолго.

Лев благодарит и отпускает его.

— Этот вариант берём за основу, — говорит он мне. — Номера у проёмов ещё посмотрите с дальней точки. И смету в понедельник.

Я записываю. Не обещаю немедленно пересчитать всё остальное: сначала нужно развернуть вчерашний список и увидеть его целиком.

Лев уходит к сотруднику, который ждёт его с коробкой креплений. Я остаюсь у входа. На новом плане три комнаты, три номера и короткая подсказка. Вступление стоит сбоку. Его можно прочитать, а можно сначала подойти к человеку с букетом.

Я ещё раз смотрю на снимок. Теперь к нему не нужно идти наперекор моей схеме.

Глава 7

Ася поднимает к камере белую штуку размером с яйцо.

— Это что, — спрашиваю я, — выключатель?

— Ручка для шкафа. Чтобы её можно было взять всей ладонью. Заказчик говорит, похожа на зуб. Ты тоже так думаешь?

— Теперь думаю.

Она убирает ручку. На экране остаётся её подбородок и кусок потолка. С той стороны стола слышны два коротких удара. Я знаю этот звук. Ася сбивает стружку с коврика об край мусорного ведра. В бюро из-за этого под её столом всегда было чище, чем под моим.

— Показывай, что тебе насчитали.

Я разворачиваю ноутбук к большому столу, будто так в Речинске смогут увидеть разом весь мой музейный заказ. На бумаге три комнаты и четыре типа носителей. Отдельно лежит смета, отправленная Льву вчера, в понедельник. Я успела до обеда. Только когда ушло письмо, заметила в графе «срок изготовления» пустую ячейку.

— Мне никто ничего не насчитал, — говорю я. — Хотела спросить, сколько ты бы заложила на проверку креплений. У них стены разные, и я пока вижу только одну в разрезе.

— Кто снимал размеры?

— Я. Частично сотрудник музея.

— Одним инструментом?

Я молчу.

— Покажи оба листа, — говорит Ася.

Я подношу их к камере. Она просит повернуть второй, потом ждёт, пока изображение перестанет расплываться.

— Пролёт один и тот же. У тебя тысяча двести, у него тысяча двести сорок. Откуда до куда мерили?

На моём чертеже стрелка упирается в стену. На музейном доходит до края наличника. Возможно, я отбила размер в другом месте. На фотографии наличник снят сбоку, за ним тёмная полоска. До пятницы не проверю.

— В типографию отправила?

— Это пока расчёт. Я отдельно написала, что размеры будут после обмера.

— Хорошо. Сколько таких мест?

— Три. Или пять, если считать вход.

У Аси на столе звонит второй телефон. Она отключает звук.

— Давай я возьму замеры и образцы креплений. Пять точек, один выезд с тобой, потом разложу по типам основания. Печать и монтаж остаются у тебя. Когда надо?

Я уже почти соглашаюсь. В пятницу мы могли бы приехать вместе, я бы пошла к Льву и показала последние изменения, пока Ася меряет проёмы. Из головы исчезает половина списка. Потом я вспоминаю, что в музейной смете изготовление стоит одной строкой. Можно перекинуть часть ра-

бот, но нужно сначала понять какие, иначе я дважды заплачу за один образец. И придётся рассказать Льву, что я беру помощницу.

— Пришли стоимость, — говорю я.

— Пришлю. У меня освободился следующий четверг, держу его до завтра до обеда.

— В четверг я здесь работаю.

— Тогда ищем день. Мне с потолка твой график не видно.

Я смотрю на экран. Ася наконец ставит телефон так, что видно её целиком. На виске у неё размазана белая пыль.

— Ты там как вообще? — спрашивает она.

— Стол есть.

— Собственный?

— В пансионате поставили.

— А помещение, которое ты смотрела?

— Не взяла.

Ася ждёт, но я не рассказываю всё с начала. Она знает, зачем мне мастерская. Два года назад, когда мы впервые считали аренду, предложила разделить большой стол пополам и не прикасаться к вещам друг друга без спроса. Тогда я рассмеялась. Через неделю наш начальник отдал мой выкрашенный вручную макет другому отделу. Я нашла его в переговорной под подносом с водой.

— А рука? — спрашиваю я.

Она поворачивает к камере ладонь. На большом пальце узкая полоска пластыря.

— Зуб укусил. С тебя фотография стола. Хочу посмотреть, влезла ли туда ты сама.

* * *

К обеду Ася присылает смету на один лист. Я оставляю письмо открытым, пока объясняю Ирине, где лежит файл с описаниями номеров.

Ирина садится к компьютеру ровно на тот час, о котором мы договорились. Сначала находит в тексте слово «отдельная» возле кухни и спрашивает, кто будет объяснять гостям, что она общая. Я читаю свою фразу заново. Отдельная кухня действительно может означать кухню в номере. Заменяю на «общая кухня на первом этаже».

— Теперь сама, — говорит Ирина.

Я отключаю мышь от своего ноутбука и подвигаю к ней. Она меняет время заезда в рабочей копии. Потом специально делает опечатку и ищет, как вернуться к прежней версии. Справляется без меня.

— Если в августе что-то поменяется, я могу зайти сюда сама?

— Можете. Только этот файл используем как основу. Где опубликовано, галочки ставите здесь.

Она выбирает ещё два описания. В одном находит обещание вида на море, идёт к окну шестого номера и зовёт меня следом. Между крышей соседнего дома и трубой остаёт-

ся треугольник воды, величиной с ноготь, если смотреть от кровати.

— Увидели? — спрашивает Ирина.

— Теперь да.

— Вот я гостям это и говорю: теперь да.

Мы снимаем обещание из описания. Через час Ирина уходит с тремя исправленными карточками и паролем, который вводит сама. Я открываю список и отмечаю одну сделанную задачу. За это время Ася прислала второе письмо. Она нашла выезд в пятницу, если я подтвержу до утра.

Я набираю ответ, что попробую сделать обмер самостоятельно. Слово «попробую» стираю. Пишу «возьму на себя». От этого фраза выглядит лучше, хотя размер у проёма по-прежнему разнится на четыре сантиметра.

Отправляю. Она отвечает минут через десять.

«Хорошо, тогда пятницу отдаю другому заказчику. Смету сохрани. Если вернёшься, даты проверим заново».

Я сохраняю письмо в папку музея. Потом фотографирую для неё стол, когда на нём почти пусто.

* * *

В среду за большим столом выясняется, что табличек будет больше, чем я считала. Если одну и ту же подпись печатать для двух способов крепления, понадобятся две версии файла. А ещё надо пересчитать тираж, потому что в третьем

зале четыре фотографии идут парой. У каждой своя подпись.

К десяти вечера у меня семь открытых файлов. Я не помню, в какой из них внесла новое название раздела. Начинаю искать по одному и нахожу его сразу в двух вариантах. С разными датами.

За окном шуршит розмарин. Я встаю закрыть створку и вижу через сетку свет в пристройке. Михаил разговаривает с кем-то у двери. Разобрать слова отсюда нельзя. Через несколько минут свет гаснет, а потом возле моей двери останавливаются.

— Нина, вы ещё работаете?

Я вижу на экране время. Без четырнадцати двенадцать.

— Уже заканчиваю.

— Я из кухни. Там ещё суп остался. Могу принести.

Хочется спросить, что случилось и зачем ему понадобилась я. Вместо этого я оглядываю стол. Слева от ноутбука стоит чашка с утренним чаем. Обедала я в два.

— Принесите, — говорю я. — Спасибо.

Он возвращается с подносом. Суп в широкой тарелке, хлеб завёрнут в чистое полотенце. Михаил остаётся на пороге, пока я убираю с края стола папку.

— Вы сами варили?

— Нет. Купил у женщины на рынке. Она мне ещё три пирожка продала, хотя я зашёл за одним.

— А пирожки где?

— Один съел, два оставил Ирине. Мне велели не ходить на

рынок голодным, но мне, как видите, можно говорить сколько угодно.

Я сажусь и пробую суп. Картошка разварилась, ложкой её уже не поймать. Есть хочется так сильно, что я обжигаю язык.

Михаил показывает на стул у шкафа.

— Можно?

Я киваю.

Его дорога с рынка до пансионата, оказывается, занимает на семь минут больше, если продавщица видит его первой. Он рассказывает, как однажды принёс домой два килограмма абрикосов и обнаружил, что у него дома даже ножа приличного нет. Пришлось есть над раковиной, пока сок не перестал капать с локтей. Я почему-то представляю его кухню просторной. Спрашиваю. Нет, кухня маленькая, а окно выходит в соседнюю стену. Зато там есть полка у двери, на которую он так и не повесил крючок.

— У вас? — спрашиваю я. — Не повесили крючок?

— У себя я редко прохожу мимо него с инструментами.

Закончив суп, я обнаруживаю, что за всё это время мы ни разу не вспомнили ни стойку, ни документы, ни цену доли. Михаил забирает тарелку. Я иду следом с хлебом, которого осталось на два ломтя.

На кухне светит одна лампа над мойкой. Он открывает кран, я расправляю полотенце на сушилке. За окном ничего не видно, кроме наших рук в стекле.

— Абрикосы уже появились? — спрашиваю я.

— Те, за которыми я захочу пойти, ещё нет.

— Скажите, когда появятся.

Он вытирает руки.

— Скажу.

Я возвращаюсь в комнату, закрываю файлы и оставляю список на завтра. С пластырем Аси я бы разобралась сразу. Со своим списком пока предпочитаю договариваться по одному вечеру.

Глава 8

В пятницу, когда я возвращаюсь из музея, мою сумку у нижней калитки ловит женщина в голубой рубашке.

Я толкаю створку, чтобы она не задела рулон у меня под мышкой. Ручка сумки соскальзывает с плеча. Женщина подхватывает её снизу и держит, пока я перехватываю ремень.

— Там что-то ломкое?

— Только бумага. Спасибо.

— Сюда к Михаилу?

Она произносит его имя так, как я говорю «домой», объясняя водителю, где остановить. Всё ясно заранее, никаких фамилий и уточнений.

— Я здесь работаю, — отвечаю я. — А Михаил, думаю, в кабинете.

— Марина Егорова. Мы договорились на шесть. Я раньше?

Я смотрю на телефон. Без пяти шесть. У меня пятница для музея, и я собиралась оставить рулон в комнате, переодеться и сходить к морю. Михаил знает, что я работаю в Речинске. Я написала только о том, что успеваю на автобус.

— Почти вовремя. Покажу, где подождать.

Пока идём по двору, Марина успевает заметить стрелку, спросить, откуда ещё приходят люди, и придержать дверь гостиной локтем. Сумку она теперь несёт сама. Отдаёт мне у

дивана так спокойно, что я только здесь соображаю, что могла попросить её обратно.

— Вы здесь давно? — спрашивает она.

— Вторую неделю.

— Вот почему у вас появились стрелки.

Михаил выходит из пристройки. На нём рубашка с подвернутыми рукавами. Он замечает Марину и сразу смотрит на её левую руку. Она держит папку.

— Всё-таки распечатала?

— Чтобы ты не сказал, что у тебя письмо не открылось.

Они здороваются без объятий. Михаил снимает с полки два стакана и ставит на стол. Марина придвигает один ближе к нему, подальше от края. Делает это мимоходом, пока открывает папку.

— Нина, если у вас рабочий день уже закончился, можете идти, — говорит Михаил. — В понедельник всё покажу.

— Я переоденусь и вернусь на двадцать минут. Если можно послушать про группы.

— Конечно, — отвечает Марина прежде него. — Мне как раз нужно понять, что люди здесь получат за эти деньги.

* * *

Когда я возвращаюсь, на столе разложены номера комнат, пока просто написанные в клетках. Марина думает провести здесь первый выезд в конце августа. Четырнадцать человек

из разных городов, три ночи, два рабочих дня. Общая программа обрывается в шесть, потом люди могут гулять или ужинать вместе.

— Завтраки в цене? — спрашивает она.

— Кухня общая, — говорит Михаил. — Завтраки не готовим.

— Снаружи привезти могут?

— Могут. Проследить надо, куда поставить и кто соберёт посуду. Если одновременно четырнадцать, кухня будет занята.

Марина вычёркивает строчку и пишет что-то на полях.

— Тогда питание отдельно. Мне нужна одна сумма, которую я могу обещать группе, и отдельно всё, что человек выбирает сам.

— От кого обещание? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня.

— От меня. Но если я пишу «чай весь день», мне потом не подходит ответ, что чайник унесли в другой номер.

— У нас нет чайников в номерах, — говорит Михаил.

Я невольно улыбаюсь. Он замечает это и чуть качает головой.

— Ира вас уже выучила? — спрашивает Марина.

— Нас обоих, — говорю я.

Марина не улыбается в ответ. Она листает описание выезда и останавливается на фотографии двора.

— Здесь можно посадить группу работать?

— В июне там с утра сидят гости. В августе тем более, — отвечает Михаил.

— А закрыть на два часа?

— Тут местные ходят к морю. И у гостей свои планы. Под группу я могу предложить гостиную на согласованное время, если заранее проверим рассадку и остальным останется кухня.

Марина проводит ногтем по фотографии. Я тоже смотрю на неё. Снято с нижней ступеньки, поэтому двор кажется вдвое просторнее. На переднем плане белый угол навеса, за ним вода.

— Я бы убрала фотографию из описания рабочей части, — говорю я. — Иначе человек решит, что мы обещали ему занятие с видом на море.

— А зачем тогда вообще показывать двор?

— Чтобы он знал, где проведёт свободное время. В программе это можно разделить.

Марина поворачивает ко мне лист.

— Напишите тут, как бы вы сказали.

Я беру карандаш. Сначала хочется сократить весь текст. Убрать «погружение», «комфортную инфраструктуру», «выделенную площадку». Потом я смотрю на часы. Двадцать минут прошли. Пока Марина говорит с Михаилом о количестве мест, я записываю два пункта, которые нужно проверить, и откладываю карандаш.

— В понедельник возьму это в работу. Сначала надо по-

нять, как люди сядут. На словах четырнадцать размещаются где угодно.

— До понедельника мне не срочно, — говорит Марина. — Только дайте срок, когда пришлёте результат. Я не люблю покупать билеты за своих участников.

Она забирает папку. На обложке остался полукруг от влажного стакана. Михаил приносит салфетку. Марина уже открыла дверь, но, увидев салфетку, возвращается и сама вытирает стол.

— У Веры Павловны тут раньше стояло блюдце специально под стаканы, — говорит она.

— В шкафу осталось, — отвечает Михаил.

Я смотрю на пустой стол. Вера Павловна умерла, а блюдце, которое я никогда не видела, лежит здесь и помнит о Марине больше, чем я могу узнать за двадцать минут.

* * *

У моря я всё-таки оказываюсь. Вниз идти ещё светло. К тому времени, как добираюсь до камней, солнце уже не видно за домами. Вода холодит щиколотки. Я стою на одном месте, пока не начинаю различать, где ступня на гладком камне, а где на мелкой гальке.

Обратно поднимаюсь медленно, с сандалиями в руке. На последней ступеньке сажусь обуваться. У калитки Михаил собирает со стола чашки. Я слышу, как они стукаются друг

о друга.

— Марина уехала? — спрашиваю я.

— Да. Мы с ней раньше встречались. Давно закончилось. Сейчас она собирает выезды, иногда предлагает их нам.

Он ставит чашки. Я просовываю ногу в сандалию, ремешок уходит под пятку. Наклоняюсь поправить.

— Я не спрашивала, — говорю я.

— Знаю. Но она ещё будет приезжать. Лучше сказать.

По двору проходит мужчина с пакетом из магазина. Михаил отступает к столу, освобождая ему дорожку. Я защёлкиваю ремешок и встаю.

— Она знала мою тётю?

— Да. Помогала нам с первыми группами. Вера Павловна заставляла всех ставить чашки на то самое блюдце. Даже тех, кто приехал только спросить дорогу.

— Достаньте его, — говорю я. — На столе след остался.

Михаил наклоняется, рассматривает влажный круг.

— Достану.

Я прохожу мимо него в комнату и прислоняю к шкафу музейный рулон. Лев согласовал размеры у двух проёмов, третий я сама перемерила. Всё сложилось. Можно убрать эту задачу из списка. Я раскрываю блокнот и делаю это.

Потом переворачиваю страницу. Пишу «Август, группа Марины». Под этой строкой ничего, кроме двух вопросов о гостиной. На них у меня пока нет ответа.

Глава 9

Во вторник Тамара приходит с тремя прищепками.

— Снимите вашу стрелку на минуту, — говорит она. — Я покажу, как это выглядит с сумками.

Она прицепляет к ручке калитки две матерчатые сумки, складывает третью под мышку и проходит мимо меня. У навеса поворачивает голову к стене. Стрелку там видно хорошо. Дальше Тамара берёт обе сумки в одну руку и идёт к нижней калитке. На обратном пути останавливается у клумбы.

— Вот здесь вечером человек идёт быстрее. К калитке спускается, никого не ищет. А ваше «Приём гостей» с этой стороны читается как «проходите сюда». Потом появляются люди, которые думают, что у них здесь кафе.

Мы проверяем уже не первый бумажный вариант. Михаил поставил свет у пристройки, я сделала надписи крупнее и развела направления у двух входов. Стрелку видно. Именно в этом, по словам Тамары, теперь и проблема.

— К морю вам указатель нужен? — спрашиваю я.

— Мне? Нет. Я тут столько лет хожу. А тем, кто приезжает, нужен. Только не ставьте большой с пляжным зонтиком. Сразу решат, что это ваш пляж, с лежаками и туалетом.

Она поднимает сумки и вытаскивает из одной буханку. Хлеб тёплый, пакет запотел. Тамара прикладывает его к гру-

ди через кофту и переступает на другую ногу.

— Вы так и ходите вечером?

— Если поздно закрываю мастерскую, бывает. После десяти иду в обход. Вчера ещё мальчишки у вас резали через клумбу. Я сказала, чтоб вернулись на дорожку. Они вернулись и спросили, я тут охранник или нет.

— Что вы ответили?

— Что я здесь живу. Им хватило.

Я прошу Тамару оставить одну прищепку и записываю два варианта надписи. Она смотрит через моё плечо, пока я пишу.

— «К морю через нижнюю калитку», — читает она. — Это понятно. А часы поставьте там, где человек заходит. Внизу поздно узнавать.

Я переношу часы в другой угол листа. Тамара убирает хлеб обратно в сумку.

— Вечером придёте посмотреть?

— Если дойдём до вечера, — говорит она и уходит вверх, чуть наклоняясь под тяжестью сумок.

* * *

Михаил возвращается из хозяйственного магазина с пачкой саморезов и вентилем, который просили привезти к обеду. Я показываю ему два листа. Он кладёт покупки на столик и высвобождает ладонь из ручек пакета.

— Ещё одну табличку?

— Можно на той же стойке. С одной стороны проход к морю, с другой — стойка приёма.

— Если поставить её у клумбы, люди опять тут срежут.

Я уже видела это место с Тамариными сумками. Приседаю и прикладываю два листа к стойке ниже временного указателя. Нижняя строка нужна для часов прохода. Михаил отходит, прищуривается, возвращается.

— С нижней калитки часы читать не будут, — говорит он.

— На нижней тоже поставим. Перед входом, чтобы не пришлось вставать на ступеньку и заглядывать внутрь.

— Платить за две?

— За маленькую снаружи и одну здесь. Если хотим, чтобы это работало с обоих концов.

Он берёт лист с часами и держит у калитки.

— Так?

Я спускаюсь на три ступеньки. Снаружи лист виден, но приходится поднять голову выше вывески.

— Ниже. Вот сюда.

Михаил двигает лист. Я успеваю увидеть его руку раньше, чем вижу надпись. На костяшке тёмная полоска, рукав зацепился за винт. Он нетерпеливо дёргает ткань.

— Стойте. Сейчас порвёте.

Поднимаюсь, снимаю край рукава с винта и отпускаю. Он складывает лист пополам. В нём остаётся залом, куда легло его запястье.

— Так видно? — спрашивает он.

— Да.

Мы возвращаемся к столу. Михаил убирает вентиль в пакет, чтоб не потерялся. Я переношу размеры на схему. Для двух табличек надо запросить новую цену, а заказывать их можно, когда увидим, что с ними будет вечером. Михаил собирается звонить печатникам прямо сейчас. Поймав мой взгляд, кладёт телефон рядом с вентилем.

— Хорошо. Сначала вечер.

К девяти навес пуст, но у клумбы ещё разговаривают двое гостей. Лампа у стены освещает дверь. С верхней дорожки видно и надпись, и человека рядом с ней. Два листа с часами остаются читаемыми в сумерках. Я пробую спуститься с расстёгнутой сумкой, глядя туда, куда смотрела Тамара. На повороте лист с морем попадает прямо напротив меня. Клумбу обходить больше не приходится.

Тамара приходит в половине десятого. Никаких сумок у неё теперь нет. Она спускается сверху, смотрит на часы, потом на нас.

— Всё-таки сделали.

— Пока на бумаге, — говорю я.

— Вот ночью её и проверите. Сейчас мне хорошо видно.

Тамара идёт вниз. Возле калитки оборачивается.

— А то, что проход в десять закрывают, на море не забудьте написать. Снизу людям тоже надо домой.

— Уже написали, — отвечает Михаил.

Она проверяет. Мы стоим у клумбы и ждём, пока она прочитает. Потом Тамара кивает и уходит.

* * *

После обхода Михаил берёт с ближайшего стола пустые стаканы. Я забираю листы с калитки, чтобы бумага не отсырела до утра. У одного край пристал к зажиму. Пока я его высвобождаю, Михаил относит стаканы и возвращается с двумя стульями.

— Их тоже убрать? — спрашиваю я.

— Можем посидеть. У нас ещё десять минут до закрытия.

Он ставит один стул лицом к морю. Отсюда воды не видно, только свет над нижними крышами. Мы садимся. Я кладу листы себе на колени и понимаю, что хочу спросить, пошёл бы он когда-нибудь отсюда гулять, если бы мог просто оставить калитку и уйти.

— Вы в городе куда ходите, когда у вас выходной? — спрашиваю я.

— Домой.

Я смеюсь. Он смотрит на меня, и я вижу, что он ответил серьёзно.

— А дальше?

— Иногда в кино. По будням там пусто. В субботу ходить перестал, все шуршат пакетами.

— Вы в кино в этой рубашке ходите?

— Обычно в другой. А вы куда?

Я рассказываю ему о маленьком кинотеатре в Речинске, где на последнем ряду одно кресло поставили чуть боком. Оно удобнее других, если приходишь один. Всегда надеюсь, что свободно. Михаил спрашивает, почему я не бронирую его заранее. Я объясняю, что почти всегда решаю пойти по дороге домой. Ему явно хочется спросить, как это возможно, но он только складывает руки на коленях.

В десять надо закрывать. Я подбираю листы. Он берёт ключи, потом оборачивается.

— В пятницу вечером у вас музей?

— Днём. Я на пять часов автобус посмотрю.

— Если вернётесь к половине восьмого, попробуем не идти домой? Здесь есть кафе за старым кинотеатром. Там стулья стоят ровно.

— Вы проверяли?

— Могу приехать заранее и составить схему.

Я хочу ответить сразу, но смотрю сначала на листы в руках. До пятницы осталось три дня. На один из них я уже придумала себе работы до ночи.

— В половине восьмого, — говорю я. — Напишу из автобуса.

Михаил идёт закрывать калитку. Я жду его у столика. Могу уже уйти в комнату, но остаюсь, пока он не вернётся по дорожке.

Глава 10

Я успеваю на автобус в пять, но почти всю дорогу везу на коленях незакрытый ноутбук.

Лев прислал замечания к музейным подписям, когда я уже шла на остановку. В одной фотографии перепутана фамилия, в другой год указан по карточке архива и по надписи на обороте по-разному. С фамилией я справляюсь до первого посёлка. Для года нужна карточка, которой у меня нет. Я пишу Льву, где искать, и закрываю ноутбук. Через пять минут открываю снова, чтобы узнать, ответил ли он.

Ответа нет. На экране рядом с письмом висит сообщение Михаила. «Я освобожусь в семь. Вы как?»

Пишу, что приеду вовремя. Потом перекладываю ноутбук в сумку и задвигаю её под кресло. До Сосновой Бухты остаётся почти час. Я смотрю в окно. По дороге продают черешню из пластиковых вёдер, а мне почему-то хочется, чтобы уже были абрикосы.

* * *

В половине восьмого я спускаюсь к автостанции без сумки. Утром на мне были джинсы и кроссовки. Теперь я надела платье, которое взяла в первый день и с тех пор только пере-

двигала по шкафу. У платья глубокие карманы. Из одного я вынимаю старый билет в кино и возвращаю его обратно.

Михаил стоит у газетного киоска. На нём другая рубашка. Левый манжет у него застёгнут, правый нет.

— Успели? — спрашивает он.

— Я здесь.

— Вижу.

Он улыбается. Я тоже. Потом оба смотрим вдоль улицы, будто ждём кого-то третьего, кто знает, как положено начинать такие вечера.

— Кафе там, — говорит Михаил.

Оно за кинотеатром. Он не соврал. До кинотеатра минут пятнадцать вверх, и всё это время мы идём рядом. На перекрёстке он пропускает женщину с коляской, а я чуть не ухожу вперёд. Приходится остановиться. Михаил догоняет, касается пальцами моего локтя и сразу убирает руку.

— Тут налево.

Перед входом в кафе стоят шесть столиков, из них пять заняты. За последним, свободным, колонка на высоте моего плеча. Оттуда гремит песня, которой по радио было много лет назад и которой, я надеялась, больше никогда не услышу.

— Можно внутри, — говорю я.

Внутри из кухни тянет жареным маслом. Парень за стойкой сообщает, что закончились рыба, салат и хлеб. Есть две порции плова, но одна заказана.

Михаил смотрит на меня.

— Одну можем поделить.

— А вторую кому?

Он несколько секунд разбирается, потом смеётся. Парень за стойкой тоже, хотя я не собиралась его смешить.

На улице Михаил достаёт телефон. Я жду, что сейчас он найдёт другое кафе, проверит время работы, позвонит и закажет нам стол. Вместо этого он читает сообщение, пишет короткий ответ и убирает телефон.

— Там ниже пекарня. Можно взять что-нибудь с собой.

— А если и там ничего нет?

— Тогда я куплю вам черешню у автостанции. Если продавец не уехал.

В пекарне остались две лепёшки с сыром. Я беру обе и бутылку воды. Михаил добавляет четыре бумажные салфетки, а на выходе оказывается, что в карман у него помещаются ещё две. Мы идём вниз мимо кинотеатра. На афише старый приключенческий фильм. В Речинске его крутили зимой, я пошла смотреть одна и заснула. Михаил говорит, что в прошлом году уснул в кино раньше, чем погас свет.

— Прямо на рекламе?

— До рекламы. Там было тепло, я сел и закрыл глаза. Проснулся от того, что у соседа пакет лопнул.

— И всё-таки продолжаете ходить?

— У меня дома диван короткий.

Я смеюсь. Лепёшки горячие через пакет, приходится перекладывать их из руки в руку. Михаил предлагает взять. Я

отдаю ему одну, другую оставляю себе. До моря вниз ещё минут десять. Дорога становится шире, между домами уже видно воду.

* * *

На набережной мы находим свободную ступеньку. За спиной люди идут в обе стороны, у воды пусто. В одном месте волны поднимаются до самого бетона и оставляют тёмный край. Я сажусь выше и подбираю платье, чтобы его не намочить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.